

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

О.А. ВЛАСОВА

СОЦИОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА ИРВИНГА ГОФМАНА: ЛИЧНОСТЬ КАК СОПРОТИВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОМУ В ТЕОРИЯХ СТИГМАТИЗАЦИИ И ТОТАЛЬНЫХ ИНСТИТУЦИЙ

Статья посвящена анализу социологии человека Ирвинга Гофмана на материале его междисциплинарных работ «Приюты» и «Стигма». Подчеркивается, что междисциплинарный психиатрический дискурс Гофмана, имея самостоятельную ценность в рамках критической теории психиатрии и развития антипсихиатрии, касается межличностной интеракции и законов социального взаимодействия и является органичной частью его социологического проекта. Психически болезненное, то есть стигматизированное «я» Гофман рассматривает как кризис социальной жизни и индикатор происходящих в ней процессов. Анализ основан на не переведенных на русский язык трудах И. Гофмана и западной критической литературе.

Ключевые слова: социология человека, стигматизация, стигма, тотальные институции, психическое заболевание, идентичность.

Ирвинг Гофман — из разряда исследователей, право на которых с рвением оспаривают многие науки. О нем как о «своем» говорят социология и психология, философия и психиатрия, а также множество смежных наук. Такое специфическое положение Гофмана обуславливается его интересом к прикладным пространствам и, разумеется, нетипичностью его фигуры для самой социологии. Часто говорят о том, что он был скорее не социологом, а «систематическим социальным

Власова Ольга Александровна — доктор философских наук, профессор кафедры философии факультета философии, социологии и культурологии Курского государственного университета.

Адрес: 305000, Курск, ул. Радищева, д. 33, кафедра философии.

Телефон: 8(4712) 703-352. **Электронная почта:** o.a.vlasova@gmail.com

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 1006-00078а «Социальная теория и социальная практика антипсихиатрии».

теоретиком» [9], что он сблизил разнообразные науки о человеке [8, р. 341], что социологи так и остались холодны к его ранним работам, в противоположность теплоте их приема за пределами социологии [18, р. 50].

Одно из приоритетных дисциплинарных пространств, интересующих Гофмана, — психиатрия, и именно ей принадлежат его междисциплинарные работы «Стигма» (*Stigma: Notes on the management of spoiled identity*) [12] и «Приюты» (*Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates*) [10]. Исследуя мир стигматизированных психически больных и их жизнь в пределах тотальных институций, автор пытается распутать ткань социальности. Психиатрический дискурс Гофмана, имея самостоятельную ценность в рамках критической теории психиатрии и развития антипсихиатрии, с его вниманием к межличностной интеракции и законам социального взаимодействия, является органичной частью его социологического проекта. Как нигде еще именно в его психиатрических работах перед нами предстает неразрывное сплетение интереса к социальному взаимодействию и способности проникать в глубины внутреннего мира человека¹.

Между социологией и психиатрией

Гофман — самая известная фигура от мира социологии, которую обычно называют в ряду критиков психиатрии. Он с особой остротой и яркостью поставил вопросы стигматизации и подавляющих личностей тотальных институций, социального мира психически больного и его функционирования в психиатрической больнице.

Метод Гофмана в чем-то традиционен. Отклонения в пространстве социального используются как инструмент, позволяющий увидеть те процессы, что в своих обычных, усредненных проявлениях не очень заметны. В работе «Стигма» он пишет о нормативных ожиданиях: «Как правило, мы не осознаем, что составили такие требования и не осознаем самих требований, пока не столкнемся с проблемой их выполнения. Именно в этот момент мы, по всей видимости, понимаем, что все время формулировали для себя определенные предположения относительно того, каким должен быть находящийся перед нами индивид» [12, р. 12]. Поэтому для Гофмана проводить исследования в

¹ Эти работы по-прежнему не полно представлены в отечественной исследовательской традиции. Хотя интерес к Гофману и его творчеству в социологии только нарастает. См. например, статьи Г.С. Батыгина «Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана» [1], В.А. Ядова «Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана» [5], В.С. Вахштайна «Фреймы классичности. Ирвинг Гофман как “неудобный классик» социологии» [2], книга Е.И. Кравченко «Эрвин Гоффман: Социология лицедейства» (МГУ, 1997) [4] и проч.

психиатрическом пространстве не означает лишь «играть в малую психиатрию» [10, р. XI], но это значит «посмотреть на психиатрический мир, просто для того чтобы понять, что можно узнать об общих процессах социальной жизни» [11, р. 201]. По этой причине все феномены психической ненормальности интересуют Гофмана не сами по себе, а в комплексе социальных феноменов и социальных институций: психическое заболевание — в пространстве стигмы, психически больной — в пространстве стигматизации и моральной карьеры стигматизированного, психиатрия как теория и практика — в горизонте тотальных социальных институций.

Энн Брэнаман в статье «Социальная теория Гофмана» выделяет четыре магистральные идеи его творчества:

1) «Я» — это социальный продукт. Во-первых, это продукт действий, развертывающихся в социальных ситуациях, поскольку никакой предзаданной сущности человека, которая в этих ситуациях выражается, попросту нет; смысл «я» скорее возникает в публично реализуемом поведении. Во-вторых, несмотря на то, что индивиды в установлении этих действий самоиндикации играют ведущую роль, они все равно конституируют только тот образ «я», который получает социальное одобрение в наличной статусной иерархии. Поэтому «я» есть социальный продукт и напрямую зависит от ратификации общества — его одобрения или неодобрения.

2) Степень одобрения конституированного образа «я» другими зависит от причастности индивида к структурным ресурсам и разделения характерных атрибутов доминирующей культуры.

3) Анализ Гофмана развертывается в пространстве драмы, ритуала и игры — метафор манипулятивных и моральных аспектов социальной жизни. При этом манипуляция и этика неразделимы, этика развивается не за пределами нас самих или над нами, она конституируется в действиях и ритуалах взаимодействия, предназначенных для подтверждения статуса индивида.

4) Социальный опыт детерминируется «фреймами» или принципами организации, определяющими смысл и значение социальных событий. Люди не свободны конституировать тот опыт, который им нравится, он всегда зависит от конституирующего его значения [6, р. XLVI].

В своем критическом психиатрическом дискурсе Гофман также опирается на эти установки. Он исходит из тезиса, что «я» психически больного человека является, прежде всего, не больным «я», а «я» стигматизированным, то есть сконструированным социальным принятием в процессе социального взаимодействия. При этом отличительная черта психически больного как стигматизированного — то, что он не разделяет некоторые общепринятые ожидания и стандарты поведения. И именно в пространстве конституирования социальных

ожиданий и правил поведения оформляются критерии психической нормальности и ненормальности.

Эти идеи — «я» индивида формируется на основании социальных притязаний; человек определенным образом реагирует на общество и защищается от него; эта реакция зависит от структуры социальной жизни; «я» индивида и его поведение несут отпечаток социальных ролей, статусов и отношений — были сформулированы уже в ранних статьях Гофмана. На эти идеи опиралась и его первая книга «Представление себя другим в повседневной жизни», поэтому «Приюты» и «Стигма» стали продолжением движения в данном направлении.

Исследования мира психической ненормальности, как и другие социологические исследования Гофмана, — не статистические, а качественные. Количественные методы, как он считал, слишком удаляют от предмета исследования, а ему было необходимо приблизиться к миру психически больных и стигматизированных как можно ближе. Нужно было вжиться в их мир и, если можно так сказать, стать пристрастным наблюдателем их отношений с институциями и обществом в целом. Как подчеркивает Г. Смит, выражая общепринятое среди исследователей Гофмана мнение, «в этом отношении “Приюты” напоминают образы и переживания романов Франца Кафки (в особенности “Процесс”» [21, p. 82].

Опора на качественные методы не была для Гофмана случайностью. В своих работах он поднимает не столько социологические, сколько философские проблемы — социальной онтологии и взаимоотношений человека и общества. Как подчеркивает Перри, говоря об одном из интересующих его социальных пространств, «тотальная институция — это одновременно эмпирическая организация, символическое представление организационной тирании и закрытая вселенная, символизирующая пресеченные возможности человека» [17, p. 345–355].

Гофман опирается на онтологию социальной реальности, традиционную для социальных исследований 1960–1970-х гг. и как нельзя кстати пришедшую для толкования психической ненормальности. В философии ее развивал Ж.-П. Сартр, в психиатрии — Р.Д. Лэйнг. Эта онтология предполагает, что социальная реальность конституируется всеми членами группы путем усреднения опыта, мировоззрения и норм и зависит при этом от каждого поддерживающего ее члена группы. Исследование социальной реальности, принципов социального устройства и функционирования при такой точке зрения на ее природу неизменно имеет антропологический аспект. При обращении к обществу здесь невозможно игнорировать человека, поскольку именно люди служат основой общественного бытия. И всякая социальная теория так становится антропологической, а всякая социология — социологией человека. Психическое заболевание в ней трактуется в

социальном ключе как кризис социального опыта, социальной реальности, как нарушение общественных норм и правил, несущее угрозу обществу в целом. Именно так смотрит на социальную реальность и психическую патологию Гофман.

Психическое заболевание как стигма

Психическое заболевание как одна из разновидностей стигмы интересует Гофмана с позиции его места в структуре общества. Вообще, в силу социологического ракурса исследований, заболевание как стигма для автора является обязательным элементом общества, необходимым, поскольку задается самой его социальной структурой и механизмами функционирования. Он исходит из тезиса, что «необходимое условие социальной жизни — разделение всеми членами одного-единственного набора нормативных ожиданий; нормы поддерживаются отчасти именно для того, чтобы быть в нее включенным» [12, р. 152]. В том случае, если нормативные ожидания не разделяются кем-либо, в ход вступают контролирующие механизмы, благодаря которым восстанавливается равновесие и снижается угроза целостности группы и общества.

Разделение нормативных ожиданий общества — это, по Гофману, социально-психологический процесс. Это процесс социальный, поскольку требует не только простого согласия с нормами, и по сути, сам человек не имеет над ним полной власти. Вопрос поддержания нормативных ожиданий есть вопрос не желания, не доброй воли, а соответствия. Просто поддерживать нормы общества — мало, даже при этом можно попасть в группу стигматизированного меньшинства. Это процесс психологический, поскольку согласие или отказ поддерживать нормы имеют прямое влияние на психологическую целостность человека и связаны с функционированием его идентичности.

Идентичность стигматизированного пронизана противоречиями. Если его личная идентичность может вполне соответствовать норме, его социальная идентичность все равно может попадать в группу стигматизированной (как это происходит при выраженных телесных физических дефектах). Само рассогласование личной и социальной идентичности и есть основание стигматизации. Поэтому стигматизация для Гофмана — процесс, который характерен для всех обществ, имеющих специфические нормы идентичности. Такими же закономерными являются для него и вытекающие отсюда роли — стигматизирующих и стигматизированных. Они — составляющие единого комплекса, и одна предполагает другую; более того, в стигматизации каждый член социальной общности всегда разделяет обе роли, и именно благодаря этому сохраняется континуальность социальной целостности [12, р. 163]. Как справедливо отмечает Энн Бранаман, «Гофман определяет личностную идентичность в понятиях, которые

вообще не предполагают никакого соответствующего субъективного опыта индивида» [6, р. LII].

Стигма — это «специфический тип отношения между качеством и стереотипом» [12, р. 14], рассогласование между истинной и виртуальной социальной идентичностью. Нормативные ожидания общества, служащие его фундаментом, составляют виртуальную социальную идентичность. Ей соответствует или противопоставляется актуальная социальная идентичность индивида, то есть та, которой он в действительности обладает. Достаточная степень рассогласования между ними и приводит к тому, что социум запускает процессы стигматизации. Эта стигматизация разделяет социальный мир индивидов на две части: тех, кто не имеет негативных отклонений от ожиданий (их большинство и их называют нормальными), и тех, кто эти отклонения несет (это и есть стигматизированные).

Стигма — постыдное, не принятое в обществе качество индивида: 1) физические отклонения и телесные уродства; 2) недостатки характера (безволие, неконтролируемые эмоции, бесчестность, подлые убеждения и др.), последствиями которых признаются психические расстройства, заключение в тюрьму, тунеядство, попытки суицида, членство в радикальных политических партиях, склонность к наркотикам, алкоголю, гомосексуализму; 3) родовая стигма расы, национальности и религии, передающаяся из поколения в поколение и охватывающая всех членов семьи. Ситуация стигмы, на взгляд Гофмана, парадоксальна. С одной стороны, общество говорит стигматизированному, что он член обширной общности, что он человек, да и сам он чувствует общность идентичности. С другой, — общество указывает ему на то, что он в определенной степени отличается от других и что отрицать это отличие было бы глупо. Это двойственное отношение, словно злая шутка, и есть судьба стигматизированного [12, р. 149–150].

Важнейшее качество стигмы — ее зримость, или видимость. Она должна быть заметна другим людям, кроме того, они могут просто знать о ее существовании. Именно это обеспечивает отличие стигматизированного от нормальных. Все индивиды, которые обладают тем или иным типом стигмы, несмотря на их разнообразие, обладают одной и той же социологической особенностью: «...индивид, который мог бы легко участвовать в обычном социальном взаимодействии, обладает некой особенностью, которая навязчиво привлекает к себе внимание и отвращает от него собеседников, тем самым перекрывая путь и другим его качествам, имеющимся и у нас. Он наделен стигмой, нежелательным отличием от того, чего мы ожидали» [12, р. 15]. Человек со стигмой для остальных членов общества — это не вполне человек, к которому применяется различного вида дискриминация и таким образом ему отказывается в реализации внутри социума.

Именно такая социологическая стратегия, по Гофману, является первичной в стигматизации. Это уже потом, после разделения социальной группы на нормальных и стигматизированных, конструируется теория стигмы, например стигмы психической, как это происходит в психиатрии. Теория стигмы при этом реализуется как научная идеология, призванная обосновать неполноценность стигматизированных, объяснить представляемую ими опасность или оправдать возникающую по отношению к ним враждебность. Теория стигмы окружает стигматизируемых целым рядом несовершенств, в основе которых лишь одно несоответствующее общепринятым ожиданиям качество.

Анализируя разновидности стигмы, Гофман не рассматривает психическое заболевание отдельно. Прояснить этот аспект помогает более поздняя статья «Безумие места», где основное внимание как раз и уделяется социальным механизмам возникновения психических заболеваний [13, р. 336].

Гофман связывает возникновение психического заболевания с рассогласованием индивидуального «я» и персоны (*person*). Персона и «я» для него являются картинками одного и того же человека, при этом «первая зашифрована в поведении других, второе — в поведении самого субъекта» [13, р. 339]. Если человек гармонично функционирует в обществе и выполняет все операциональные и ситуативные правила, персона и «я» органично взаимосвязаны и никакого рассогласования не происходит. Но если правила нарушаются и актер не выполняет своих обязательств, реципиент переживает обманутые ожидания. Так происходит нормативное регулирование персоны и «я».

Психическое заболевание поэтому отмечено нарушением самой сути социальных обязательств. При этом социальные нормы рассматриваются как функционирующие не для систематического контроля над самим человеком, но для нормализации отношений, в которые он вовлекается в социальной группе и обществе. По сути, психическим заболеванием человек заявляет другим, что он отказывается от диктуемого соответствующей частью социальной организации (семьей, социальной общностью, работой) образа себя [13, р. 356]. Для Гофмана симптомы психического расстройств — это серия ситуативных отклонений, возникающих как активная преднамеренная адаптация к взаимодействию. Эти отклонения продуцируются теми людьми, которые отказываются признавать свое социальное место так, как его видят другие, не соглашаются с навязываемым им социальным положением. Посредством таких ситуативных отклонений человек косвенно заявляет свое право на место и «я», которых не может требовать открыто.

Стало быть, стигма психического заболевания — это результат несоответствия человека общественным ожиданиям и социальным

договоренностям, нарушение социальных обязательств. Именно со стигмы, по Гофману, начинается история психически больного. В дальнейшем на его пути, как и на пути многих стигматизированных, возникают поглощающие его тотальные социальные институции.

Мир тотальных институций и мир человека

Исследование тотальных институций — один из самых интересных аспектов микросоциологии Гофмана. Как подчеркивает Раймонд Уэйнштейн, «нарисованная Гофманом мрачная картина социальной ситуации психически больных возникает, главным образом, в результате использования модели тотальных институций» [22, р. 268]. Механизмы функционирования тотальных институций и статус входящих в них людей, по Гофману, отражают механизмы функционирования общества, а также те отношения, в которые вступает с ним человек. Том Бернс указывает, что термин «тотальные институции» Гофман впервые услышал в 1952 г. на семинаре Эверетта Хьюза, который тот проводил в Чикагском университете [7, р. 141]. Сам Гофман всячески отклонял это влияние и говорил, что в те времена эта идея уже витала в социологическом пространстве.

Для Гофмана тотальные институции являются одной из разновидностей социальных образований, инструментальными формальными организациями, то есть системами «преднамеренно согласованных действий, направленных на некий суммарный результат» [10, р. 175]. Этот результат может быть совершенно различным — материальным продуктом, услугами, решением, информацией — и совершенно по-разному может распределяться между составляющими этой организации. Стандарт функционирования задается в инструментальных формальных организациях, разумеется, целью. Более того, тотальные институции принадлежат классу закрытых инструментальных формальных организаций, и поэтому одной из их особенностей является то, что входящие в них индивиды должны в обязательном порядке быть включены в деятельность организации [10, р. 176]. Именно благодаря этому такого рода организации и выживают.

Тотальные институции — это армия, больницы, школы, монастыри, одним словом, многие из тех социальных инстанций, с которыми хотя бы один раз в жизни сталкивается каждый человек. В принципе, очертить тотальные институции одним емким определением невозможно, и Гофман ни одного такого не приводит. В его описании это помещения и совокупности помещений и зданий, где осуществляется специфическая деятельность. Как видим, ничего определенного. Ни место, ни деятельность не несут в тотальных институциях каких-то характеристик, вся специфика — в сложной сети отношений между людьми: не в статике, а в динамике. Гофман настаивает: «...тотальная институция — это социальный гибрид, отчасти сложно

устроенная общность, отчасти официальная организация; и в этом и заключен ее особый социологический интерес» [10, р. 12]. Тотальную институцию невозможно описать извне, вскрыть ее специфику можно, лишь проникнув во внутреннее пространство с его ролевой стратификацией.

Институции могут быть разнообразными и могут содержать совершенно разный набор участников, однако то, что объединяет их, по Гофману, — это стремление подавлять своих членов: «...каждая институция поглощает время и ограничивает интересы своих членов» [10, р. 4]. Все тотальные институции имеют официальные цели: экономическое развитие, образование и обучение, медицинское и психиатрическое лечение, религиозное очищение, моральная защита общества, а также наказание и сдерживание.

Пространство тотальных институций наполняют группы людей. И здесь заметно амбивалентное разделение: всегда имеется многочисленная группа *обитателей* (*inmates*) и малочисленная группа *персонала*. По сути, тотальные институции созданы именно для обитателей, они и составляют основную группу. Персонал осуществляет воздействие, обитатели выступают его мишенью. Большая удаленность этих двух групп друг от друга приводит к возникновению стереотипов, и одна группа воспринимает другую всегда только в негативных и стереотипных рамках. Гофман подчеркивает: «Два непохожих друг на друга социальных и культурных мира развиваются, сталкиваются в официальном общении, но пересекаются лишь незначительно» [10, р. 9].

Ключевые особенности тотальных институций — трансформация «я» человека и создание «нового» мировоззрения. Каждая тотальная институция — это «естественный эксперимент, который показывает, что можно сделать с “я”» [10, р. 12]. Гофман отмечает, что по отношению к тотальным институциям, скорее всего, нельзя говорить об аккультурации или ассимиляции: они не ставят на место сформированной у обитателя культуры свою собственную. Происходит нечто вроде дискультурации или разобучения (*untraining*), при которых блокируется возможность управлять собственным поведением, реагировать на ситуации, приспосабливаться к изменениям во внешнем мире. Эта блокировка временная, и она снимается, как только обитатель вновь выходит за стены институции (как при увольнительной в армии или при выписке из психиатрической больницы), однако именно она является тем фундаментом, на который наслаиваются все остальные изменения и воздействия. Фактически человек входит в институцию с определенным «я», сформированным его домашним миром, и это «я» претерпевает радикальные изменения. «Он сталкивается, — отмечает Гофман, — с рядом унижений, обесцениваний, оскорблений и профанаций “я”. Его “я” последовательно, пусть даже и неумышленно, умерщвляют» [10, р. 13].

Механизмы, с помощью которых умерщвляется «я», по мнению Гофмана, достаточно стандартны и просты. Энн Брэнаман объединяет их в семь групп: 1) лишение права выбора ролей и свободной реализации роли; 2) управление и обработка идентичности; 3) лишение имени, собственности и всего необходимого для реализации идентичности; 4) навязывание унижительных поз, ситуаций и необходимости демонстрировать паттерны почтительности; 5) беспрепятственное вторжение в личное физическое и межличностное пространство; 6) разрушение связи между индивидом и его поведением; 7) отказ в свободе волеизъявления, автономии и свободе поведения [6, р. LV–LVI].

Реагируя на установленные в тотальных институциях запреты и привилегии, обитатели актуализируют различные модели адаптации к ситуации [10, р. 61–63]. Институция наделяет человека определенной социальной ролью, ставит его в определенные социальные условия и требует от него идентификации с собственной социальной системой. Она воздействует на его мироощущение, его «я» и изменяет их. Однако человек, вынужденно принимая ее правила игры, пытается, тем не менее, сохранить себя. Отдаваясь тотальной институции и подчиняясь ей, он ищет пути сохранения маленьких крупиц собственной идентичности. И здесь возникает вторая составляющая микросоциологического исследования Гофмана — *мир входящего в институцию индивида*.

Гофман отмечает, что человек взаимодействует с различными социальными образованиями по одним и тем же механизмам, вне зависимости от того, какого они рода: идеология ли это, государство или семья. Взаимодействие с социальными образованиями отмечено для человека обязательством и преданностью [10, р. 173]. Опираясь на Э. Дюркгейма, Гофман указывает, что отношения человека с социальными образованиями — контрактные, договорные. Стороны словно имплицитно договариваются о взаимных правах и обязанностях, санкциях на случай их невыполнения и условиях расторжения договора.

Принимая систему привилегий и стимулов, принадлежащий институции человек неизменно соглашается с системой мотивирующих его стимулов и тем представлением о личности, на котором она базируется. На примере психиатрических больниц это означает, что пациент, который послушно принимает лекарства, работает за мелкие вознаграждения в больнице и во всем подчиняется врачам, по сути, принимает мотив лечения и перевоспитания, который — в качестве общей цели и результата — определяет психиатрическую больницу как институцию. Кроме того, это значит, что, ведя себя таким образом, этот пациент молчаливо соглашается с тем, что он психически больной человек, а также с тем статусом, который таким людям придает

общество. Принятие привилегий, как видим, означает не просто уступку, а конформизм по отношению к системе институции, причем не только инструментальный, но и мировоззренческий. Таким образом, каждая институция предполагает дисциплину долга, активности, характера и жизни.

Однако, по Гофману, человек не может полностью слиться с социальной системой или тотальной институцией, всегда выбирая место где-то между идентификацией с организацией и противостоянием ей, постоянно перемещаясь в этом пространстве и пытаясь сохранить баланс [10, р. 320]. Он бы и хотел сказать, что идентичность человека определяется окружающим социумом и социальной ролью, но конкретные примеры показывают, что при взаимодействии с обществом имеют место многочисленные попытки уклониться от всецелой социальной обусловленности «я». Эти попытки сохранить себя — ключ к пониманию бытия человека.

Традиционное социологическое исследование обычно отталкивается от положения о том, что статус человека в институции, в обществе определяет то, кем он является, то есть его идентичность. Но когда социологи начинают присматриваться к реализации социальной роли, социальному взаимодействию, социальным институциям поближе, оказывается, что полной идентификации никогда не происходит, что неизменно всегда остается хотя бы маленькое расстояние. «Полная отдача и преданность любому социальному образованию, — отмечает Гофман, — предполагает своего рода самоотвержение. Смысл нашего бытия человеком может определяться принадлежностью к социальным образованиям, смысл нашей индивидуальности проявляется через те немногочисленные способы, которыми мы сопротивляемся притяжению общества. Наш статус зиждется на твердом здании мира, в то время как смысл нашей личной идентичности часто находится в его трещинах» [10, р. 320]. Исследование тотальных институций, по мнению автора, как раз и позволяет увидеть эти трещины. И психиатрическая больница — наиболее благодатная для этого почва.

Для Гофмана поэтому значимыми оказываются не только социальные принципы функционирования институций, их ролевая структура, их пространство, но и то, как человек пытается избежать тотальной включенности в них. Фактически одно предполагает другое: описывая тотальные институции, Гофман представляет интересы общества, описывая способы уклонения от их тотального влияния — интересы индивида, то есть рассматривает две стороны инструментального договора. Договора ради одной цели, но подписанного двумя сторонами, каждая из которых, если можно так сказать, не чиста на руку. И здесь в центре его исследования — «специфические

разновидности абсентеизма, уклонение не от предписанной деятельности, но от предписанного бытия» [10, p. 188].

Для описания бытия личности в пределах институций и социальных организаций Гофман использует два понятия. Указывая на тот факт, что вовлеченность и включенность в общество предполагает поддержку ценностей, стимулов и привилегий организаций и превращает человека в члена организации — встроенного в систему, запрограммированного, он говорит о *первичной адаптации*. Она — дань тому, что человек принадлежит социальному миру. Однако, наравне с первичной, есть и *вторичная адаптация*. Последняя объединяет стратегии уклонения от роли и образа «я», предписанных институцией, несанкционированные институцией средства достижения несанкционированных целей. Вторичная адаптация как раз и указывает, по Гофману, на трещины, в которых личная идентичность проявляется наиболее явно, и представляет собой попытку ее сохранить.

Среди составляющих и примеров этой вторичной адаптации Гофман выделяет: 1) действия ухода — занятия спортом, театральной, научной деятельностью, активное культивирование религиозности; 2) уклонение от правил поведения, осуществление действий только потому, что они запрещены правилами институции; 3) продуцирование символики и кличек для обозначения персонала и требуемых им действий; 4) использование предметов не по привычному назначению (радиаторы для сушки вещей, нарезанная туалетная бумага как носовые платки, носки как кошельки и проч.); 5) нахождение позитивных моментов в негативных процедурах (после инсулиновой терапии больные наслаждаются возможностью валяться в кровати все утро); 6) выстраивание неинституциональных отношений (покровительства, дружбы, обмена, объединения ради противостояния и др.) и проч. [10, p. 207–304].

Гофман отмечает, что институция всегда предъявляет к своим членам определенные требования, которые он обязан соблюдать и соблюдает. Тем не менее, если посмотреть на непосредственную жизнь этих институций и их «обитателей», мы найдем многочисленные конкретные примеры уклонения от подчинения официальной идеологии, которые, все без исключения, воплощают попытки сохранить свободу.

Получается, что благодаря такому методологическому ходу Гофман обходит опасность психологизма внутри его собственного социологического подхода. Личность понимается им не как то, что противостоит социальному, не как обособленная и сохраняющаяся сущность, а как то, что необходимо вовлечено и включено в общество. Личность для него находится с обществом и его многообразными структурами, организациями и институциями в договорных отношениях, и по

этому договору она всегда уже входит в общество, исполняя предписанные ей требования. Официально личность — всецело общественное образование. Но Гофман здесь вводит неофициальный подтекст: молчаливо принадлежа обществу, личность всегда сохраняет своеобразную «чистую» территорию (границу, трещину), куда старается его не допустить.

Вообще, предоставляя личности определенный договор, общество всегда подразумевает гласные и негласные, официальные и неофициальные условия. Во всех тотальных институциях предполагаются места, где личность может реализовывать стратегии неподчинения, ухода и абсентеизма, своеобразные уязвимые пространства, — пишет Гофман [10, р. 305]. Поэтому для него негласность не означает непреднамеренность. В своих многочисленных институциях общество словно играет с личностью, заранее подготовив те потаенные уголки, в которые она может в критические минуты от него укрыться. Можно сказать, что для Гофмана личность представляется реакцией на социальное, сопротивлением социальному. И в этом сопротивлении она немыслима вне его. Она задается договором с социумом и меряет уклонением от него свою идентичность. Именно так Гофман уходит от психологизма и простирает социологизаторский подход на человека.

Однако исключительно социологический ракурс исследования не мешает сохранять личностный элемент. Исследования Гофмана — это яркие описания мира психически больного. Именно при такой стратегии, на его взгляд, поведение того, кого так именуют, утрачивает свой патологический характер. Отсутствие медицинского понятия психического заболевания Мириам Сиглер и Хамфри Озмонд называют главной особенностью подхода Гофмана. Именно этим, на их взгляд, обусловлены его анализ психиатрической больницы исключительно с социальных позиций и ее негативная модель [20, р. 419–424]. Их поддерживает Гронфейн, отмечая, что особенностью гофмановского подхода является его «исключительно социологический характер и относительная свобода от определения патологии» [14, р. 139].

Социология Гофмана — это, прежде всего, микросоциология опыта, как справедливо окрестил ее Питер Седжвик [19, р. 23–35]. Исследуя социальную сеть тотальных институций, Гофман стремится увидеть, как у попавшего в них человека трансформируются представления о своем «я» и о мире, который его окружает. Его «обитатель» и стигматизированный — человек, не умеющий плести паутину социальных ритуалов, не знающий правил игры социального мира. И именно эта идея объединяет психиатрический дискурс Гофмана со всем остальным его творчеством.

Для того чтобы понять социальный мир, Гофман и погружается в повседневную жизнь больных, в хитросплетения социальной жизни стигматизированных². В предисловии к «Приютам» он пишет: «Я тогда верил и верю до сих пор, что любая группа людей — заключенных, первобытных, летчиков или пациентов больниц — строит свою собственную жизнь, которая становится осмысленной, рациональной и нормальной, как только вы оказываетесь рядом с ними, и что лучший способ исследовать любой из этих миров — погрузиться в их общество в череду происходящих с ними незначительных повседневных событий» [10, р. X].

Рассказывая истории, Гофман словно представляет этот опыт изнутри. Не зря Чарльз Лемерт подчеркивает: «В основе возникающего от Гофмана впечатления — колонизация нового социального пространства, в которое читатель погружается и, выйдя из которого, он уже никогда не будет прежним. Однажды, даже если только однажды, взглянув на социальный мир в перспективе этого пространства, мы уже не можем смотреть иначе, мы по-новому прочитываем этот мир. В этом принципиально ином взгляде мы становимся другими...» [15, р. XIII]. И благодаря такой стратегии воздействие работ Гофмана было глубоко личным. «Я думаю, — пишет Джон Лофлэнд, — что не только я так увлеченно читал “Стигму” (1963) и другие его работы. Эти люди узнавали себя и других и видели, что Гофман артикулировал наиболее существенные и болезненные аспекты социального опыта человека. Он к неожиданной радости показал им, что они не одни, что то, что они переживают и чувствуют, понимает кто-то еще. Он понимал это и великолепно это формулировал, вызывая у них радость от болезненного понимания и благодарности, сложное сочетание счастья и горя, выливающееся в слезы» [16, р. 47].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батыгин Г.С.* Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана // Социологический журнал. 2001. № 3.
2. *Вахитайн В.С.* Фреймы классичности. Ирвинг Гофман как «неудобный классик» социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 2.

² Эта стратегия оказывается чрезвычайно актуальной для социологии, поскольку позволяет продуктивно развивать концепцию стигмы в анализе отечественных реалий. См., например, главу «ВИЧ-инфекция: жизнь до и после диагноза» из коллективного сборника «Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: Концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев», вышедшего под общей редакцией В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой, К. Клеман в 2010 г. [3]. Авторы этой главы О.Н. Дудченко и А.В. Мыгиль в исследовании ВИЧ-инфицированных опираются именно на концепцию стигмы.

3. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: Концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев» / Под общ. ред. В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой, К. Клеман. М.: Логос, 2010.
4. *Кравченко Е.И.* Эрвин Гоффман: Социология лицедейства. М.: МГУ, 1997.
5. *Ядов В.А.* Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гоффмана // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 2.
6. *Branaman A.* Goffman's social theory // Goffman reader / Ed. by Ch. Lemert and A. Branaman. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1997. P. XLV–LXXXII.
7. *Burns T.* Erving Goffman. London; New York: Routledge, 1992.
8. *Geertz C.* Local knowledge: Further essays in interpretive anthropology. New York: Basic Books, 1983.
9. *Giddens A.* Erving Goffman as a systematic social theorist // Erving Goffman: Exploring the interaction order / Ed. by P. Drew and A. Wooton. Boston: Northeastern University Press, 1988. P. 250–279.
10. *Goffman E.* Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates. New York: Anchor Books, 1961.
11. *Goffman E.* On some convergences of sociology and psychiatry // Psychiatry. 1957. Vol. 20. P. 201–203.
12. *Goffman E.* Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1963.
13. *Goffman E.* The insanity of place // Goffman E. Relations in public: Microstudies of the public order. New York: Basic Books, 1971. P. 335–390.
14. *Gronfein W.* Goffman's Asylums and the social control of the mentally ill // Perspectives on Social Problems. 1992. No. 4. P. 129–153.
15. *Lemert Ch.* Goffman // The Goffman reader / Ed. by Ch. Lemert, A. Branaman. Oxford: Blackwell, 1997. P. IX–XLVIII.
16. *Lofland J.* Early Goffman: Style, structure, substance, soul // The view from Goffman / Ed. by J. Ditton. New York: St. Martin's Press, 1980. P. 24–51.
17. *Perry N.* The two cultures and the total institution // British Journal of Sociology. 1974. Vol. 25. P. 345–355.
18. *Scheibe K.* Self studies: The psychology of self and identity. Westport, Conn.: Praeger, 1995.
19. *Sedgwick P.* Psycho politics: Laing, Foucault, Goffman, Szasz and the future of mass psychiatry. New York: Harper & Row Publishers, 1982. P. 23–35.
20. *Siegler M., Osmond H.* Goffman's model of mental illness // British Journal of Psychiatry. 1971. Vol. 119. P. 419–424.
21. *Smith G.* Erving Goffman. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2006.
22. *Weinstein R.M.* Goffman's asylums and the social situation of mental patients // Orthomolecular Psychiatry. 1982. Vol. 11. No. 4. P. 267–274.